

*Посвящается памяти незабвенного друга
АБРАМА БОРИСОВИЧА РАНОВИЧА*

Проф. А. В. Мишулин

О ВОЗНИКНОВЕНИИ РИМСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ИСПАНИИ

I

К вопросу о разделении Испании

Назначение новых римских наместников в Испанию в 198 г. на следующий, 197, год является весьма важным как в смысле развития государственно-правовых отношений, так и для судьбы Испании в дальнейшем.

Во время выборов 198 г. число преторов, избранных на следующий год, увеличилось до шести, тогда как до этого было только четыре претора. Два новых выбирались теперь специально для Испании. Это собственно и кладет начало провинциальной эры Испании, которая официально превращается в новую римскую провинцию¹. Число «два» вначале было установлено, потому что один из римских полководцев командовал сухопутной армией, а другой — флотом. Когда такое разделение фактически перестало быть необходимо, в Испанию все-таки попрежнему продолжали назначать два должностных лица. Пока война с карфагенянами еще не закончилась, такое назначение вызывалось, очевидно, опасностью и затруднениями этой войны. Известно, что и карфагеняне также держали в Испании постоянно двух, иногда и трех, полководцев. И после окончания войны с карфагенянами римляне поручали управление Испанией не одному, а двум наместникам, что вызывалось и успевшей уже установиться

¹ Нельзя согласиться с E. Albertini, *Les divisions administratives de l'Espagne*, Paris, 1923, стр. 11, а также и с Шультемом (см. A. Schulten, *CAH*, VII, 306) относительно разделения Испании на «Ближнюю» и «Дальнюю» и принятия провинциальной эры, т. е. превращения Испании в провинцию, уже в 205 г. Во-первых, размежевание функций проконсулов (Блазиона и Стертиния) по областям Испании («Ближней» и «Дальней», впервые фигурирующих в тексте в качестве «Citerior» et «Ulterior») указывается только для 199 г. (*Liv.*, XXXIII, 27, 1). Во-вторых, на этот счет еще не было официального постановления. И, наконец, до учреждения претуры для Испании управление последней проводилось не промагистратами, наделенными *imperium proconsulare*. Неправильная трактовка продолжает встречаться, например, у Sutherland'a *The Romans in Spain*, 1940, стр. 45.

традицией, и трудностями управления Испанией, и рядом других весьма важных соображений. Следует обратить внимание на то, что к моменту назначения в Испанию двух римских магистратов не была еще установлена граница обеих провинций. Римский сенат, вполне возможно, учитывал пространство завоеванной провинции и трудность для одного человека справиться с административным управлением страны со столь разнообразным и беспокойным населением. Вот почему в 197 г. до н. э. двум первым преторам Испании — К. Семпронию Тудитану и Гельвину — официально и впервые было отдано распоряжение произвести размежевание Испании с соблюдением примерных границ Ближней и Дальней провинций¹, которые практически уже устанавливались римскими полководцами в ходе военных операций.

В размежевании Испании географические соображения сыграли немалую роль. В первой фазе римско-карфагенской войны, когда Публий и Гней Корнелий Сципионы командовали римскими войсками, линия Эбро отмечала самый дальний пограничный пункт оккупированной римлянами территории. Только до этого пункта римляне имели консолидированную территорию, где власть и влияние их были более или менее прочными. И поэтому попытка Сципионов распространить власть римлян за пределы этой территории в направлении долины Батиса повела к их поражению. Было немало причин для трагического исхода экспедиции обоих Сципионов. Одной из таких причин было пренебрежение двумя жизненными обстоятельствами, которые были потом оценены преемниками Сципионов. Первое — это большое расстояние между Эбро и Батисом, между которыми где-то должен был находиться форпост. Такой форпост, вроде опорной базы, был создан потом со взятием Нового Карфагена. Второе — любая база такого рода должна была опираться на неоспоримое морское господство вдоль восточного побережья Испании, и это правильно было учтено Сципионом Африканским. Из этой сильной передовой базы — Нового Карфагена — завоевание долины Батиса было хотя и трудным, но возможным делом, которое требовало только времени, выдержки и уменья. Важно было это сделать без лишних потерь. Эта цель была достигнута во второй фазе войны под руководством Сципиона Африканского.

Следует, однако, сказать, что географическими факторами не приходилось пренебрегать и при установлении административной системы управления. Территория, завоеванная Римом в Испании, была ограничена, но в то же время и весьма неудобно вытянута. От Пиренеев до Эбро она состояла из клина, который опасным образом входил между Эбро и Новым Карфагеном, и оттуда коммуникации к Кастулону и долине Батиса шли через труднопроходимую и гористую страну. Препятствия, задерживавшие расширение этого клина, — «провинции Citerior», — были различны. Ее северный предел подходил к горной внутренней стране, издавна населенной воинственными и фанатичными в борьбе народами. Между тем вдоль побережья было много поселений, дружественных Риму и достаточно сильных, чтобы в минуту опасности для римлян быть верными римскими союзниками. Что же касается юго-запада долины Батиса, то там находились отдельные конфедерации иберийских общин-городов (как, например, под властью Кулхаса), управляемые мелкими царьками или военными вождями, далеко не дружественными по отношению к римлянам. Причем враждебное отношение к последним все возрастало. Таким образом, вся эта вытянутая

¹ Li v., XXXII, 28, 11 (FHA, III, 174; коммент. 174—175): praetoribus in Hispanias... terminare iussi, qua ulterior citeriorve provincia servaretur.

от Пиренеев на Севере и до устья Бэтиса и Атлантики на юге территория жила на непрочном социальном базисе.

Римские командиры пытались преодолевать эти трудности. Они прибегали к силам туземных племен, к использованию иберийских наемников. Это, однако, было рискованным шагом и уже стоило жизни одному Сципиону. Эпоха «военной демократии» формировала сознание иберов и усиливала их борьбу за независимость, за свои земли, дома и накопленные богатства. Иберы в эту эпоху не были склонны поступать в наемники к врагам своего народа; они формировали собственное войнство, своих командиров и полководцев, зачатки своей государственности. Этот момент, являвшийся источником фанатизма и преданности делу освобождения своей страны от господства чужеземцев, будь то карфагеняне, или римляне, или кто другой, был, повидимому, учтен Сципионом Африканским. Возможно, что именно потому Сципион проявил достаточную осторожность и избегал брать наемников в свои войска: он посылал их главным образом в Италию в качестве вспомогательных войск¹. К иберийским же добровольцам он относился с подозрительностью и не доверял иберийским отрядам. При таком положении вещей римская экспансия в Испании могла быть облегчена лишь примирительной политикой со стороны римских полководцев. Именно благодаря такой политике Гней Сципион получил значительную поддержку туземцев. Сципион Африканский также не пренебрегал методами примирительного обхождения с туземцами и их вождями, как это и было в отношениях с Индибиллом и Мандонием. Трагический урок кампании Сципионов и победоносный опыт второй кампании Сципиона Африканского должны были быть учтены римлянами в их военной и административной политике на вновь завоеванной территории. Однако, как известно из всей последующей военной истории Рима и Испании, римские командиры, как правило, оказывались бездарными, терпевшими поражения во время героических выступлений иберов, которые причиняли Риму немало неприятностей. Наиболее сильные удары по престижу Рима и по его военной славе нанесли не только вожди иберов в Кельтиберии, Лузитании и Нуманции, но также, может быть, и не в меньшей мере, сами римские полководцы. Один только опыт был учтен к моменту установления ранней римской системы администрации в Испании; это опыт двойного командования до 205 г. С 205 по 197 г. этот опыт становился уже административным экспериментом в установлении системы двух провинций. Несомненно, такой эксперимент на протяжении восьми лет, с 205 г. по 197 г., требовался, ибо первоначально было все-таки сомнение, в какой мере могло быть практически достигнуто соглашение или кооперация двух правителей двух отдельных провинций в управлении Испанией. Необходимо было установить также, в какой мере эта система двух правителей является необходимостью. Но этот именно опыт себя оправдал. Правда, кооперация двух правителей или командующих в Испании достигалась иногда с трудом, но она часто все-таки достигалась, особенно в годы, предшествующие 197 г. до н. э., когда система двух правителей была официально утверждена.

Первые проконсулы, действовавшие в качестве первых провинциальных уполномоченных (commissiones), по прибытии в Испанию занимались

¹ Liv., XXVII, 38. «Из Испании присланы были П. Сципионом в Ливию вспомогательные войска... 8000 испанцев и галлов, 2000 воинов из легиона, 1000 всадников — нумидийцев и испанцев; эти войска привез на судах М. Лукреций, а из Сицилии Г. Мамий прислал до 3000 стрелков и пращников» (вероятно, с Балеар.— А. М.). Цит. по русск. перев. Адрианова, IV, стр. 165.

определением междупровинциальной границы¹. Невзирая на освященную традицией границу на Эбро, уполномоченные сконцентрировали свое внимание на безопасности не Ближней (*Hispania Citerior*), а Дальней Испании (*Hispania Ulterior*). Правитель *Hispania Ulterior* в смысле своей безопасности зависел главным образом от прибрежных позиций, и поэтому наиболее краткое расстояние по берегу сберегало бы его силы и автоматически заслоняло бы всю внутреннюю часть, за безопасность и спокойствие которой правитель собственно и нес ответственность. Сообразно этому *Hispania Citerior* была протянута к западу так, чтобы включить в себя Новый Карфаген. Но как в точности шла граница на крайнем западе от этого города, мы не знаем. Можно полагать, что она, вероятно, шла к востоку от Барии. Первое упоминание о *Hispania Citerior* и *Hispania Ulterior* применительно к 199 г. мы имеем у Ливия². Сообщение о проведении размежевания относится к 197 г.³, а принадлежность Нового Карфагена к Ближней Испании засвидетельствована Ливием для 180 г. до н. э.⁴, а для 100 г. до н. э. — Артемидором⁵. Что же касается того, что Бария относилась к Дальней Испании, то в этом пункте мы можем прочно полагаться на два свидетельства: Плиния (III, 19) и Птолемея (II, 48). Вопрос о точном размежевании границ двух провинций еще недостаточно изучен.

Внутри страны граница шла к востоку от *Saltus Tugiensis* и *Castulo* и в основном осталась без серьезных изменений до самой эпохи Августа, когда Испания подверглась широкой административной реконструкции. Более неопределенной оставалась северная граница каждой провинции; она отмечалась всякий раз наново, как граница римских военных вторжений, хотя для *Ulterior* течение Батиса служило сначала естественной границей.

Ни в одной из обеих провинций не было единства по составу населения. В территориальном отношении посясторонняя Испания была несколько значительнее прибрежной полосы, тянувшейся примерно на четырнадцать миль и первоначально зависевшей в своей безопасности от двух сильных римских позиций при Тарраконе и Новом Карфагене. Каждый из этих городов являлся форпостом римского военного могущества, и только впоследствии они приобрели торговое значение. Так как эти форпосты отстояли друг от друга на значительном расстоянии, то, естественно, должны были существовать какие-то другие посредствующие звенья в виде других городов и поселений. Главными городами, центрами иберийской культуры в этой провинции, были Сагунт и Дертоза. Римские связи с Сагунтом, вероятнее всего, были коммерческие. Возможно, что серебро из Сагунта образовывало базис для чеканки «викториатов» в Италии между I и II Пуническими войнами. Есть все основания допускать, что Сагунт был туземным иберийским центром на восточном побережье Испании, рано завязавшим торговые связи с греками, а потом с римлянами. В частности, можно считать весьма вероятным, что Сагунт чеканил серебро до римского вторжения в Испанию. Что касается другого иберийского центра, города Дертоза, то это, собственно, не был приморский город в строгом смысле этого слова; это был скорее всего охранитель переправы через реку Эбро. Кроме этих пунктов Ближней Испании, находились к северу от Эбро еще два, где римляне оказались также лицом к лицу с задачей управления: Илерда и Оска. В противоположность цент-

¹ Liv., XXXII, 28, 11 (FHA, III, 174; коммент. 174—175).

² Liv., XXXIII, 27 (FHA, III, 174; коммент. 174—175).

³ Liv., XXXII, 28 (FHA, III, 174; коммент. 174—175).

⁴ Liv., XLI, 10 (FHA, III, 17).

⁵ Steph. Byz., ¹Iβ₇pix.

рам в Сагунте и Дертозе, Илерда и Оска представляют собой незначительные пункты внутренней туземной культуры. Главной особенностью этого района было его минеральное богатство, в силу чего римляне так быстро распространили на него свою власть.

Подавление сопротивления покоренных племен, освоение минеральных богатств районов Илерды и Оски, развитие торговых отношений на восточном побережье полуострова, охрана переправы через Эбро и создание в вышеназванных пунктах Ближней Испании оторванных форпостов римского владычества — таковы, в сущности, были политические задачи управления этой провинцией.

Задачи управления Дальней Испанией были несколько иные. Прежде всего территория этой провинции издавна находилась под карфагенским влиянием. Однако в период господства Баркидов не произошло каких-либо существенных изменений в политической системе иберийских общин. В этом районе карфагеняне осваивали и разрабатывали минеральные богатства. Турдетаны и их соседи, стоявшие в культурном отношении выше других иберов, смогли наладить хорошие отношения с карфагенянами, повидимому, считавшимися с историческими традициями туземных народов.

Как показывают археологические памятники, само побережье от Барии до устья Батиса было заполнено большим количеством торговых и рыболовецких стоянок финикийского и карфагенского происхождения, как-то: Абдера, Секси (Альмуньекар), Малака, Суаль (Фуэнхирола), Меллариа и Гадес. Здесь всегда бойко проходила (при финикийцах и карфагенянах) торговля, сюда заходили с востока торговые корабли, здесь часто пользовались финикийской монетой. П л и н и й (III, 4) сообщает, что пунический характер всех этих поселений продолжал сохраняться вплоть до времен империи. Эти поселения, вероятно всего, управлялись по карфагенским образцам; во всяком случае, известно, что во главе Гадеса стояли суффеты. Однако вряд ли карфагеняне вмешивались во внутренние дела туземного населения, в особенности же в дела земледельческих общин долины Батиса. Эти общины представляли собою в одних случаях небольшие, а иногда и значительные, политические объединения под властью местных князей, как, например, Кулхаса и Луксиния. Согласно Ливию, Кулхас, например, объединял 28 турдетанских общин,¹ и только впоследствии под его властью находилось меньше 17 общин².

К северу от долины, между Сьеррой Мореной и Сьеррой Невадой, лежали города знаменитого горнопромышленного округа, центром которого был город Кастулон. К востоку от него тянулась огромная область, где жили кочевники, занимавшиеся нередко грабежом. Чтобы сухопутным путем достичь Нового Карфагена нужно было пересечь эту область. Во всей этой Дальней Испании не было ни одного города-поселения, который был бы подготовлен для романизации. В этом отношении картина здесь была прямо противоположной тому, что мы наблюдаем в Ближней Испании, где уже существовали форпосты римского господства и пункты романизации этой области (Тарракон, Сагунт, Новый Карфаген и т. д.).

Дальновидный Сципион прекрасно отдавал себе отчет в положении вещей в Hispania Ulterior. Он создал там колонию ветеранов, которой дал символическое в известном отношении название Italica. Она находилась в чрезвычайно выгодном месте — в нижней долине Батиса, где река была

¹ Liv., XXVIII, 12 (FHA, III, 135).

² Liv., XXXIII, 1, 6 (FHA, III, 175; там же см. комментарий).

полностью судоходна¹. Но Италика на первых порах не играла никакой роли в качестве форпоста римской культуры в Дальней Испании. Росту ее мешала отдаленность от побережья и торговых путей. Не было римского пункта и на побережье, пока не была основана римская Картея в 171 г. до н. э. Однако процесс романизации проходил здесь менее эффективно, чем в Ближней Испании, ибо здесь в обширной области Турдестании, где в свое время туземная иберийская цивилизация достигла высокого уровня (Тартессийское царство), сильны были туземные исторические традиции в языке, письме, искусстве, в быту и строе жизни местных племен.

Таким образом, Ближняя и Дальняя провинции в Испании являлись и в географическом и политическом отношениях двумя различными организациями, с потенциальными силами местных народов, с одной стороны, и различными возможностями романизации их — с другой. Все это Рим должен был учитывать с самого начала вторжения на Пиренейский полуостров и до завоевания Испании в 205 г. до н. э.

В начале своей агрессии в Испании Рим сумел придать ей характер тактической защиты против Карфагена, заключал формальные союзы с различными туземными группами в Испании. Однако иберы относились к чужеземцам — карфагенянам и римлянам — со все возрастающей оппозицией и неприязнью. Нельзя никак согласиться с Сазерлендом², что иберы отличались «вечной неспособностью проникнуться сколь-нибудь постоянным и твердым стремлением к объединению», под которым автор, очевидно, разумеет политическое объединение, или государство. Политические тенденции к объединению, созданию конфедераций племен, единой власти у группы племен в эпоху так называемой «военной демократии» мы уже имели случай рассмотреть (ВДИ, 1948, № 1) и установить, что именно римская оккупация больше, чем какая-либо другая, обрывала этот наметившийся тогда процесс исторического развития иберов. После завоевания Испании Рим считал своей главной задачей не допускать каких-либо политических объединений, поскольку последние могли являться у иберов средством борьбы их с римской оккупацией.

После изгнания карфагенян испанцам стало ясно, что их освободители от карфагенского ига — римляне были покорителями не только Карфагена, но и самой Испании. Это прекрасно понимал и Рим, который стремился к распространению своего господства на все области Испании.

¹ См. CIL, II, 1168, 1180, 1182—3.

² Sutherland, ук. соч., стр. 52. Автор страдает явно неисторическим подходом в трактовке столь важных исторических проблем, как, например, вопрос о возможности политических объединений у иберов. Отрицая самое существование этих объединений у иберов, он говорит о возможной политической конфедерации общин в долине Бэтисы под руководством Кулхаса. Индибил, вождь илергетов и соседних племен, также возглавлял такое объединение. Самое происхождение иберийской цивилизации связано с возникновением царства Тартесса. Автора, очевидно, не смущают его собственные противоречия в этом вопросе. В статье о военной демократии у иберов мы уже касались этого вопроса. В ходе исторического развития к моменту карфагенского, а потом и римского завоевания иберийские общины вступали на путь политических объединений и организации централизованной власти (см. нашу статью, ВДИ, 1948, № 1). Эти тенденции нашли отражение в наших источниках, как литературных, так и археологических. Сазерленду, однако, невдомек, что этот процесс самобытного, т. е. внутреннего, развития иберийских племен неоднократно обрывался, сначала финикийским завоеванием и разрушением Тартесса, затем Баркидами при карфагенском завоевании Испании и, наконец, римлянами, которые огнем и мечом разрушали всякие элементы политической самостоятельности иберов, если только она противостояла римской оккупации. Именно это обстоятельство и подрывало наметившийся процесс иберийских объединений. Но, с другой стороны, именно римская оккупация иногда объединяла иберов для освободительной войны за независимость, поднимала сознание туземных племен в направлении политического объединения, как это было, например, в эпоху Вирвата, этого «первого Ромула испанского народа».

В проведении этой политики и для разрешения задачи подчинения, естественно, нужно было создать гибкую администрацию и военное командование в Испании. Создание двух провинций являлось одним из средств в проведении римской политики завоевания и освоения завоеванных земель, на которых необходимо было создать форпосты римского военного владычества и римского влияния.

II

Административная политика по отношению к испанским общинам

Римская административная система создавалась в Испании без какого-либо предшествующего опыта. Правда, Сицилия, Сардиния и Корсика сделались провинциями республики, но их инкорпорация была еще недавней. О материальных выгодах римляне сперва, быть может, и мало думали, но впоследствии экономические мотивы господства в провинциях, в особенности в Испании, стали превалировать. И административная система, создававшаяся в Испании, преследовала цель экономической эксплуатации провинции.

Завоеванные римлянами провинции рассматривались как *praedia populi Romani*. Поэтому правильно будет на этом основании утверждать, что общины, подчиненные Риму, перестают быть собственниками земли, на которой они были поселены, и должны теперь платить подать за свои земельные участки. Все административные мероприятия по отношению к иберийским общинам должны были таким образом зиждиться на том теоретическом принципе, согласно которому завоеванные в Испании земли рассматривались как собственность римского государства. Главной массой иберийских общин были *civitates stipendiariae*. Они принуждены были платить *stipendium*, т. е. подать в деньгах и т. п., и поставлять *auxilia* для обслуживания римской армии. Общины иберов платили установленную сумму подати по оценке их строений, земли и доходов. *Tributum soli* был прямым налогом; собирали его провинциальные квесторы. Но, повидимому, сборщики, будь то квесторы или их помощники, вымогали больше, чем полагалось по закону, и им приходилось наталкиваться на упорное сопротивление.

В ранние годы римского управления размер податей не был ясно определен. Так, в 205 г. подчинение иберов к северу от Эбро сопровождалось наложением двойного *stipendium*'а и шестимесячной поставки зерна, плащей и тог для армии¹. С другой стороны, подобное обложение можно скорее рассматривать как военную контрибуцию, ибо нормально выплачиваемое *stipendium* было определено соответствующей суммой в монете, что для более бедных общин заменялось определенным количеством зерна или других товаров. Трудно, однако, окончательно разрешить вопрос о характере *stipendium*, взимавшегося с *civitates stipendiariae* в Испании, особенно об его размерах. Но одно можно утверждать для этого раннего периода становления римской административной системы в Испании, — что устанавливающийся *stipendium* являлся одним из тех рычагов, который понуждал к платежу в монете. Нам известно, что, по крайней мере, в *Hispania Citerior* этот налог превратился в регулярную денежную подать². Таким образом, вопрос о денеж-

¹ Liv., XXXIX, 3, 5 (FHA, III, 165—166, комм. 166).

² До сих пор неясным остается вопрос о времени появления в Испании первого римского денария. Немногочисленные римские монеты (серебряные) могли проникнуть в Ибе-

ной подати, об установлении ее и системе взимания¹ связан с вопросами специальными: о появлении в Испании римского денария, о начале чеканки иберийских монет.

В 195 г. Гельвий (Helvius), прежний правитель *Uterior*, и Минуций (Minutius), прежний правитель *Citerior*, привезли домой (помимо очень большого количества серебра в слитках) соответственно 119, 439 и 78 тыс. из того серебра, что Ливий называет «оскским серебром» (*argentum Oscense*)². Применение термина *argentum Oscense* имеет для нас большой интерес. Это совершенно определенно указывает, во-первых, на то, что монетное дело в Оске было широко поставлено; во-вторых, что оно, очевидно, было там поставлено очень рано. Можно, наконец, сделать еще один вывод, именно, что этот термин применим к денариям, привезенным из *Uterior*, и что он свидетельствует о хождении оскских монет на большой территории; повидимому, это название стало применяться вообще ко всем иберийским выпускам монет. Подобный вывод не является только гипотезой. Уже Плиний (I, 4—7) свидетельствует нам о том, что монеты, приписываемые Оске, были общепринятыми и девяносто из ста иберских монет относятся к этому типу. Все монеты этого типа имеют легенды иберийского характера, которые читаются как названия племен или их городов, — факт, который можно истолковать как знак римской готовности признавать иберийские общины и иметь дело с иберами на племенной основе. Монеты выбивались аккуратно штампами, а это характерно и для римского денария. Из этого можно сделать два вывода: первый — что происхождение выпуска иберийских денариев связано с римским стандартом, и, во-вторых, что сами римляне, очевидно, тщательно следили за выпуском монет иберийскими общинами. Серебряные монеты сопровождались выпуском бронзовых. Выпуск бронзовых монет наряду с серебряными был более значителен в Секаизе (*Secaiza*), и монеты этого рода, как и оскские, оказались широко распространенными от Кордубы до Нумандии, долины Эбро и современной южной Франции. По мнению ученых, это, в частности, объясняет, почему Гельвий мог собрать в 195 г. главным образом с не-иберийской территории свыше 119 тыс. иберийских денариев.

Что касается римского происхождения стандарта иберийских монет, то главным подтверждением этого следует считать идентичность рисунка на различных монетах, носящих иберийские надписи; в сопоставлении с тем фактом, что иберы прежних времен не имели монет, это доказывает, что эти монеты были чеканены по настоянию Рима с целью платежа подати монетой и для создания средства обмена в торговле с Испанией. Так как единообразный рисунок монет мог быть предписан только Римом, то и монетный стандарт является римским. К этому нужно добавить, что серебряные монеты имеют вес денария, а медные монеты носят символ асса. Дальнейшее доказательство римского происхождения монеты выявляется из тех фактов, что на монетах *Hispania Citerior* мы встречаем иногда рядом с иберийской также и латинскую надпись (на монетах *Celsa* и *Osicerda*) или римское слово, написанное по-иберийски. Что же касается городов Бетики (кроме финикийских поселений), они имеют на своих

рию в 205—200 г. Однако только для 197—196 г. до н. э. возможно принять появление чеканки римских денариев в Иберии. Известно, что Блазион в 198 г. вернулся из Испании в Рим с 34 500 денариями. До этого у Ливия нет упоминания о приобретении монеты правителями Испании, кроме тех, что Сципион привез домой в 206 г., но эти монеты Сципиона были, без сомнения, карфагенскими деньгами из Нового Карфагена и других пунктов карфагенской торговли.

¹ О фиксированной сумме *stipendium* см. *Li v.*, XXIX, 3, 5 (в отношении 205 г.); *Cicero*, *Verr.*, III, 6, 12; *pro Balbo*, 18, 41. Отсюда название *civitates stipendiariae* у *Plin.*, III, 6; IV, 110.

² *Li v.*, XXXIV, 10, 4 (FHA, 181; коммент. 181—182).

монетах надписи, сделанные латинскими буквами. По подсчетам III ультена (САН, VIII, 309), около 100 городов Ближней Испании дают иберийскую надпись на монетах, а около 40 городов Дальней Испании — латинскую. Что касается Лузитании, то она, очевидно, не чеканила монет, что является доказательством ее бедности и более низкого уровня ее развития. Она не имела своего серебра, и, пока она не была завоевана Римом, она не нуждалась в средстве обмена для своей торговли.

Следовательно, распространение римской власти было связано с расширением территории, на которой чеканились и обращались монеты. Чеканка иберийских монет начинается сразу же после первых завоеваний. Самыми ранними монетами с иберийскими надписями были, повидимому, монеты Сагунта, Эмпориона и Илерды. Рисунок общ всем иберийским монетам и изображает голову на лицевой стороне и всадника с копьем — на оборотной. Возможно, что этот рисунок взят с монет Гиерона II Сиракузского, умершего в 215 г. Но наиболее распространенными монетами были податные монеты из Оски, которые чеканятся почти одновременно с выпуском их в Эмпорионе, Илерде и Сагунте. *Argentum Ossense*, как уже было замечено, чеканилось одной из иберийских общин в долине Эбро, которая, повидимому, имела значительный монетный двор. К последнему относятся наиболее многочисленные из всех иберийских монет, которые имеют надпись «Klsth», хотя этому названию трудно подобрать что-то общее с Осса.

Не менее 1300 серебряных монет с надписью «Klsth», зафиксированы из клада около Сории. Таким образом, иберийские общины, в частности Ближней Испании, платили свое *stipendium* в оскском серебре, добываемом в рудниках и чеканенном за их собственный счет; монеты вывозились с целью перечековки в денарии. Известно, что подданным Рима в других местах повсюду было дозволено чеканить только медную монету, но иберийские города выпускали больше серебряной, чем медной или бронзовой монеты. Это объясняется не тем, что иберийские общины в результате установления римской административной системы получали какие-то привилегии, а тем фактом, что Испания имела много серебра, которое римская администрация должна была выкачать из Испании. Уже в 206 г., едва только закончилась римско-карфагенская война в Испании, римские полководцы начали грабить иберийские города. В этом году вывезено было в Рим 14 342 фунта серебра в слитках и большое количество чеканной монеты (последняя, вероятнее всего, была карфагенской)¹; в 200 г., т. е. через пять лет, грабеж Испании имел тенденцию прогрессировать, ибо в этом году римская администрация сумела обеспечить выкачку серебра более чем в 3 раза, в сравнении с 206 г.: одного только серебра — 43 тыс. фунтов и золота — 2 450 фунтов². Если в 199 г. было вывезено всего только 1 200 фунтов серебра и 30 фунтов золота³, то это, должно быть, объяснялось рядом особых обстоятельств, а главное тем, что год этот в истории управления Испанией был переломным. Деление Испании на Ближнюю и Дальнюю в это время лишь намечается, назначение наместников определенно фиксируется по провинциям; по размежеванию территории между этими наместниками поступление в Рим серебра сразу резко поднялось вверх. В 198 г. в Рим было вывезено 20 тыс. фунтов серебра из Ближней Испании, 50 тыс. фунтов в слитках из Дальней, 34 500 в монете и 1515 фунтов золота из Ближней Испании⁴. Ливий дает некоторые сведения о тех

¹ Liv., XXVIII, 38 (FHA, III, 162).

² Liv., XXXI, 20 (FHA, III, 171, коммент. 172).

³ Liv., XXXII, 7, 4 (FHA, III, 173, коммент. 174).

⁴ Liv., XXXIII, 27 (FHA, III, 164).

методах, к каким прибегали римские наместники, грабившие иберийские общины. Он указывает, что Стертиний, претор Дальней Испании, не заявил притязаний на триумф, ибо он заполучил массу золота и серебра с иберов не как военную добычу, а путем обложения и поборов¹. Мы можем полагать, что сбор подобной суммы в течение одного только года не мог обойтись без соответствующего аппарата чиновников и специальных агентов наместника. Главным представителем этой бюрократии являлся, повидимому, префект, который назначался в определенные округа или города богатых иберийских общин, где осуществлял через своих помощников сбор дани. Все эти префекты администривали, очевидно, под наблюдением непосредственных помощников правителя провинции — его квесторов. Вероятно, петиция Гадеса от 199 г. по поводу назначения в этот город префекта вызвана, между прочим, тем, что Гадесу была известна практика этих префектов по сбору *stipendium*. Двумя годами позже отпадение других, без сомнения привилегированных, пунических городов на сторону вождей иберов, поднявших восстание против римлян, может быть объяснено такими же причинами. Весь вопрос в целом о злоупотреблениях римской администрации, в особенности в связи со сбором зафиксированной для общин квоты пшеницы (*vicesima*) был поднят иберийскими городами в 171 г., который известен как «год петиций»². И то, что Римом была обещана отмена одиозной практики сбора податей, свидетельствует, что теперь в самом Риме были известны приемы римских администраторов в Испании. Особенно, повидимому, свирепствовали при сборе податей в *Hispania Ulterior*. Если *Citerior* выплачивала *stipendium* главным образом серебром и дала нарицательное название выплачиваемому римлянам серебру как *argentum Oscense*, то *Ulterior* в ранний период установления римского управления в Испании платила частично туземной монетой, «импортированной» из *Citerior* (чеканка по типу *argentum Oscense*), частично необработанным металлом (в слитках) и, наконец, частично зерном (пшеницей), чем славилась Бэтика. И, вероятно, именно в *Ulterior* особенно часто и совершенно произвольно производились реквизиции зерна в ранние годы установления римской административной системы. Это привело к отпадению иберских общин от союза с римлянами и присоединению их к антиримской оппозиции, а затем и к всеобщему восстанию в 197 г. Кулхаса и Луксиния. *Ulterior* больше всех выносила бремя так называемой *vicesimae*, т. е. подати в виде $\frac{1}{20}$ своего урожая. Суть *vicesima* заключается в следующем: для продовольствования наместника, его администрации и когорты иберы обязаны были поставлять хлеб за вознаграждение по определенным сенатом ценам, т. е. приблизительно по 4 сестерция за меру³. Однако римляне требовали не уплаты хлеба натурой, а взноса денег, причем чиновники назначали произвольную рыночную цену, и разницу между установленной ценой и сенатской таксой присваивали себе. Наоборот, покупая хлеб для казны и за казенный счет, они назначали низшую таксу. Эта практика разоряла иберийские общины. Против нее то и выступали иберийские города в «год петиций» — в 171 г. Произвол, чинимый римскими администраторами, вызвал необходимость в уточнении и развитии административной системы. Уже самый ход и исход петиций 171 г. это показывает очень хорошо. Ливий⁴ в этом отношении

¹ Liv., XXXIII, 27 (FHA, III, 174).

² Liv., XXXII, 2, 5; XXXIII, 21, 6; XLIII, 2 (FHA, III, 173, 175, 227—228, там же комментарии).

³ См. комментарии Адрианова к русск. перев. Ливия, данные в XLIII, 2.

⁴ Данные Ливия в связи с историей вымогательства, практики их и реакции со стороны испанских общин см. в следующих списках: XXXII, 2, 5; XXXIII, 21, 6; XLIII, 2 (FHA, III, 173, 175, 227—228; там же комментарии).

является для нас основным источником. Хотя эпизод с петицией иберийских общин относится к 171 г., т. е. к более позднему периоду, чем рассматриваемый нами, однако есть смысл остановиться на разборе этого случая. Несомненно, что тот произвол, на который жаловались испанские общины, допускался римской администрацией значительно ранее 171 г. Вспыхнувшее в Бэтике под руководством Кулхаса и Луксиния восстание явилось первой быстрой, непосредственной и энергичной реакцией на римскую систему хозяйничания. Если старые свободные племена, объединенные в федерацию, сразу же подняли в знак протеста против римской политики в 197 г. восстание, другие города, где, быть может, стояли римские гарнизоны, сидели чиновники, подавлявшие непосредственные движения населения, и где, вероятно, требовалась длительная подготовка для организованного ответа, снарядили в 171 г. комиссию послов «от нескольких народов обеих Испаний» (Л и в и й). На этот раз, после длительной подготовки, общины не только Дальней, но и Ближней Испании организовались для заявления решительного протеста Риму на чинимый римской администрацией в Испании произвол. Еще Гельвий в 197 г. письменно извещал сенат относительно широкого движения среди иберийских племен во главе с Кулхасом и Луксинием. Уже тогда сенат должен был вынести постановление о том, что претору, который будет избран на следующий, 196, год, поручается составить сенату доклад о возникшей на полуострове испанской войне¹. Но было уже поздно. Еще не прошли комидии, как, не дождавшись избрания новых испанских преторов на 196 г., сенат получил печальное известие о разгоревшейся войне испанцев против римлян. Неудачный для Рима ход борьбы с восставшими иберийскими племенами мало чему научил римских чиновников, которые и потом в прежнем, если не в большем, масштабе продолжали заниматься вымогательствами и в Дальней и Ближней Испании. Каковы были эти вымогательства? На что жаловались иберийские общины? — Иберийские «послы от нескольких народов обеих Испаний» жаловались на «корыстолюбие и высокомерие римских чиновников» (*ii de magistratuum Romanorum avaritia superbiaque conquesti*) и «на коленях просили сенат не допускать, чтобы их союзников обирали и мучили хуже, чем неприятелей»². Жаловались «послы и на другие недостойные поступки, и ясно было, что у них вымогали взятки» (*et alia indigna quererentur, manifestum autem esset pecunias captas*). Так как во всех этих вымогательствах были замешаны влиятельные римские деятели, то хотя и были организованы суды и производилось следствие, однако «прошедшее было замолчано и предано забвению» (там же). Все преступления римских чиновников были, однако, столь очевидны, и тяжелым обвинениям были подвергнуты совершенно явно столь видные римские деятели, что сенат вынужден был на будущее принять какие-то меры. «На будущее время сенат сделал для испанцев то, чего они добивались, именно, чтобы римский чиновник не имел права оценивать хлеб и не принуждал испанцев продавать ¹/₂₀ часть по какой ему угодно цене, а также, чтобы в их города не назначались заведующие сбором денег» (*in futurum consultum ab senatu Hispanis, quod impetrarunt, ne frumentum aestimationem magistratus Romanus haberet; neve cogeret vicesimas vendere Hispanos, quanti ipse vellet; et ne praefecti in oppida sua ad pecunias cogendas imponerentur*) (там же). Это постановление имело непосредственное отношение к Hispania Ulterior, откуда выкачивалось зерно, масло и другие сельскохозяйственные продукты. Из этого постановления видно, что особенно тяжело было для Испании (Ulterior) то, что иберий-

¹ Li v., XXXIII, 21, 6 (FHA, III, 175; коммент. 175—176).

² Li v., XLIII, 2 (FHA, III, 227).

ские общины обязаны были двадцатую часть своего урожая продавать по заниженным, произвольно назначаемым римским чиновником ценам. Корыстолюбие (*avaritia*), высокомерие (*superbia*), другие недостойные поступки (*alia indigna*) и прямые вымогательства — взятки (*resunias carptas*) — такова была картина хозяйничания в обеих Испаниях, и особенно в Дальней (*Uterior*).

В несколько отличном положении находились те общины, которых Рим наградил «*foedus*». К числу таких общин относился греческий Эмпорион (*Emporion*). Этот город находился в союзе с римлянами и сохранил поэтому в некоторой степени свою самостоятельность. Известно, что Эмпорион получил разрешение чеканить свою собственную монету, с греческими легендами, по своему собственному монетному стандарту. Подобная же привилегия была предоставлена некоторым иберийским городам, принятым в союз, как, например, Гадес, Ебузус. Изучение монетного материала позволяет выделить эти общины в отдельную группу по их правовому положению в римской Испании. В этот ранний период римского управления в Испании единственным городом с правом римского гражданства была колония *Italica*, основанная Сципионом Африканским. Естественно, что и этот город, наряду с Эмпорионом, а также и Гадес и Ебузус могли относиться к группе привилегированных городов. Из Ливия¹ известно также, что в 171 г. была образована еще одна латинская колония в Картеие для сыновей римских воинов, находившихся в связях с туземными женщинами. Более четырех тысяч было поселено в Картеие, в городе, находившемся на берегу моря. При этом и местным жителям этого города предоставлялось право колонистов. «Это будет латинская колония и станет называться колонией отпущенников», — говорит Ливий (*Latinam eam coloniam esse libertinorumque appellati*) (там же).

Нам остается сказать о некоторых других изменениях социальной жизни иберийских общин, которые наступили в связи с установлением провинциальной системы управления.

Кроме уплаты налогов, иберы должны были систематически поставлять римлянам на военную службу вспомогательные отряды. До 205 г., до изгнания карфагенян и покорения карфагенской Испании, иберы привлекались римлянами в качестве наемников на добровольных началах². Однако с 205 г. служба наемников должна была потерять прежнее значение, хотя еще Катон пользовался кельтиберами как наемниками, чтобы вызвать раскол среди кельтиберийских племен. Новое положение в завоеванной Испании выражается в том, что теперь иберы доставляли вспомогательные войска в обязательном порядке.

Были внесены изменения и в пользование испанскими рудниками. Как *Citerior*, так и *Uterior* были богаты залежами металлов. Шультен полагает, что *Citerior* была богаче. Однако это вряд ли можно признать справедливым для раннего периода римской оккупации. Богатые залежи на северо-запад от Тага и Дуэро были еще не тронуты, и серебро добывалось в залежах у Бабелов и Нового Карфагена. При этом рудники, особенно в *Uterior*, не были еще в достаточной мере разработаны. Перед римской администрацией стояла задача организовать и усилить разработку испанских рудников. Такая организация была начата Катоном в 195 г. до н. э., по крайней мере в *Citerior*. Ливий³ рассказывает нам, как Катон, «умиротворив провинцию», назначил большие взносы определен-

¹ Liv., XLIII, 3 (FHA, III 228—229, коммент. 229).

² См. Liv., XXI, 60 (FHA, III, 57—60); XXII, 38.

³ Liv., XXXIV, 21, 7; также Aul. Gell., N A., II, 22, 29 (FHA, III, 185—186, 188; там же комментарий).

ных размеров с железных и серебряных рудников, по установлении чего провинция делалась с каждым днем богаче. Можно предполагать, что некоторые золотые и серебряные рудники были переданы государству, но большинство серебряных рудников, как, например, около Нового Карфагена, свинцовых, медных и железных было предоставлено отдельным компаниям и даже лицам, которые должны были платить определенные налоги и подати с добываемого металла. С разработкой рудников увеличивалась и масса работавших в этой области. Конкретное представление о рабочих в рудниках дает нам известный рельеф из Осун. В государственных рудниках, несомненно, применялся, главным образом, труд рабов. С другой стороны, возможно, что эти рудники, как рудники компаний и частных лиц, применяли также и труд наемных рабочих из свободных испанцев. Позднее же был отмечен приток большого количества италийцев, о чем сообщает нам Диодор (XXXVII, V, 15). Тот же Диодор свидетельствует и о другом: о развивавшейся тенденции к снижению найма свободных и все более растущей массе рабов, привлекавшихся к работе в рудниках в нечеловечески тяжелых условиях.

Вся организация производства в рудниках имела перед собою две задачи, для выполнения которых и применялся пресс римской административной системы в Испании. Во-первых, нужно было обеспечить приток податной монеты и, во-вторых, добыть большое количество слитков, обрабатывавшихся под непосредственным наблюдением римской администрации. Для более потребляющего, чем производящего хозяйства рабовладельческого Рима, для расточительной жизни римского нобилитета требовалось золото и серебро, медь, олово и свинец. Для обеспечения регулярного притока этих металлов римская администрация в Испании должна была, таким образом, все время иметь наблюдение за рудниками.

Такой, в общих чертах, представляется нам административная политика Рима, которая открыла провинциальную эру в Испании. На 197 г. впервые были избраны два новых претора, специально для Испании. При этом в данном году впервые также было проведено размежевание Испании на *Citerior* и *Ulterior*. Установлена была система повинностей, в частности *stipendium*. Чеканка монеты по римскому стандарту, наблюдение за разработкой рудников, установление системы *vicesima* и штата чиновников, собиравших налоги и сочетавших выполнение обязанностей перед государством с системой вымогательства и взяточничества в личных целях и интересах, — такова схема управления в Испании. Провинциальная администрация должна была обеспечить регулярное поступление податей Римскому государству, а с другой стороны, провинциальная администрация в состоянии была выполнять это лишь в условиях мирной обстановки. Вот почему в пределах новой провинции должны были находиться армии, вооруженная сила оккупантов, на которую администрация могла бы полагаться. Таким образом, римская администрация свою деятельность должна была сочетать все время с применением внеэкономического принуждения или открытого насилия. Получался замкнутый круг. Римская администрация могла нормально проводить свою деятельность только в мирных условиях, однако применявшиеся при этом методы открытого насилия сводили на-нет всякие попытки установить мир и влекли за собою открытые восстания туземцев. Римским легионам вновь приходилось завоевывать территорию, занятую восставшими иберами, вновь умиротворять целые области, насаждать вновь римских чиновников и свергнутую было систему провинциального управления в отдельных районах Испании. После этого круг мог повториться на той же самой основе. И это хорошо показывают нам кельтиберийские, лузитанская, нумантийская, серторианские войны, а также мелкие и круп-

ные движения вплоть до конца астурийской и кантабрийской войн при Августе. Римский правитель Испании, как это показывает нам вся провинциальная история до Августа включительно, обычно сталкивался с весьма трудными условиями управления. И, конечно, объективные и субъективные факторы действовали тут нередко вместе, дополняя один другого. Большим препятствием для близости правителя и провинции, для конкретного ее освоения являлся краткий срок управления провинцией. Но не малым препятствием были и субъективные свойства правителей, когда последние, начиная со II в., занялись системой вымогательств, самообогащения. Это было время, когда римляне опьянялись растущим успехом захватнической политики от одного конца Средиземного моря до другого, и результатом этого опьянения было моральное разложение римской аристократии. Сами римляне это знали неплохо, ибо римский сенат не один раз выслушивал жалобы на притеснения провинциальных наместников. Известно также и то, что римское правительство в некоторой степени смотрело на все похождения провинциальных управителей сквозь пальцы, ибо знало, что наместники жалования никакого не получали, а сенат больше заинтересован был в том, чтобы от управителя получить денег в казну, чем из казны давать ему на устройство провинциальных дел. Так продолжалось до самого установления Августом регулярного жалования для римских управителей. Во времена принципата возникла новая, более организованная система вымогательства, которая продолжала существовать и после Августа, хотя, может быть, и в меньших размерах.

III

Испания в первый год провинциальной эры (197 г. до н. э.)

Установление провинциальной системы управления на территории главным образом Карфагенской Испании в 197 г. до н. э., по существу узаконяло проводившийся римскими командующими разбой и грабеж иберийского населения. В известной мере будет правильным считать, что разразившееся в 197 г. восстание и потом продолжавшаяся в течение почти двадцати лет героическая борьба иберов против римской оккупации Испании явились как бы ответом иберов на объявление Испании римской провинцией.

Как выше было замечено, на 197 г. Рим избрал шесть преторов вместо четырех¹. Два новых претора были избраны для Испании. Семпроний Тудитан получил Ближнюю Испанию, Гельвий — Дальнюю Испанию. «Преторам в обе части Испании было назначено по 800 пехотинцев — союзников латинского племени и по 400 всадников, с тем, чтобы они отпустили из Испании прежних воинов»². В этом же постановлении говорилось о поручении установить точные пределы той и другой части Испании. Трудно сказать, кто из этих новых управителей Испании обладал *imperium proconsulare*³, из Л и в и я можно полагать, что и Гельвий и Тудитан имели *imperium* (XXXIII, 25, 9).

¹ «В этот год, — говорит Ливий, — впервые было избрано шесть преторов, так как провинции увеличились и пределы государства расширились. Выбраны были следующие: Л. Манлий Волсон, Г. Семпроний Тудитан, М. Сергей Сил, М. Гельвий, М. Минуций Руф, Л. Атилий» (L i v., XXXII, 27). «Семпроний (Тудитан) получил Испанию Ближнюю, Гельвий — Дальнюю» (L i v., XXXII, 28; FNA, III, 174, коммент. 174—175).

² L i v., XXXII, 28, II (FNA, III, 174, коммент. (174—175)).

³ CIL, I², стр. 75 (Fabula triumphalis), где Гельвий назван *proconsul*.

Назначение новых управителей в Испании совпало с мощным восстанием иберов на сравнительно большой территории¹. Сначала поднялась Турдетания, где свободолюбивые традиции, общая культура и политическая организация иберийских племен находились на большей высоте сравнительно с другими областями Испании. Но через некоторое время поднялась как бы сразу вся и Дальняя и Ближняя Испания. Создавалось впечатление, что восстание готовилось долго, что оно получило поддержку карфагенян и даже самого Ганнибала. И север и юг были охвачены восстанием, но у нас больше сведений о ходе войны в Дальней, чем в Ближней Испании. Все свидетельства начинаются с указания на видную роль Кулхаса и Луксиния как руководителей восстания в Турдетании. Еще во времена Сципиона Африканского они объявили себя союзниками последнего. Тогда актуальным был вопрос о совместных усилиях в борьбе против карфагенян. Однако после разрешения этого вопроса интересы Кулхаса и Луксиния, с одной стороны, и римских наместников — с другой, стали расходиться. Не могло не сыграть своей роли и то обстоятельство, что из 28 городов, которые объединены были под властью Кулхаса, у последнего осталось только 17. Римская оккупация и административная политика по отношению к иберам сыграли не последнюю роль в этом отпадении 11 городов или в отторжении их от федерации Кулхаса. Наложение *stipendium* и особенно *vicesima*, что именно в Бэтике особенно было тяжелым, и другие вымогательства и притеснения со стороны римлян были главными причинами восстания этой федерации иберийских городов. Другая федерация под руководством Луксиния с центром в городе Кармоне (*Carmon*) выступила одновременно. Это второе объединение иберийских племен являлось не только крупным, но и значительным по своим материальным ресурсам. Об этом городе мы встречаем свидетельства у многих писателей древности: Цезаря (*De bel. civ.*, II, 19,5; 57; 64,1), Страбона (III, 22), Птолемея (II, 4, 10), в «Итинерариях» (стр. 414,2; *Rav.*, стр. 315,5) и даже в надписях (*CIL*, II, 188, 848; *MLI*, 166). О значительности этого города и богатстве его дает нам некоторое представление Цезарь (*De bel. civ.*, II, 19,5), который говорит о Кармоне, что «это наиболее мощная община всей провинции» (*longe fortissima totius provinciae civitas*). Что эти два иберийских объединения поддержаны были карфагенянами, видно из того, что два карфагенских города Малака и Секси присоединились к Кулхасу и Луксинию. Отпадение финикийско-карфагенских городов юга Испании и присоединение к восстанию иберов на могло не задеть, очевидно, и позиции Гадеса. За два года до этого восстания, в 199 г., посольство Гадеса в Риме требовало отмены назначенных для этого города префектов. Если Гадес сумел отвратить от себя посягательство Рима назначить управителей в карфагенские города, то вряд ли этого могли достигнуть другие, менее значительные города. Тем более возрастало недовольство в связи с тем, что все эти города должны были выполнять всякие повинности и раздражались постоянно различными поборами римских чиновников. Так складывалась ситуация в области Бэтики (Бэтурии). За несколько лет положение успешно изменилось в корне. Если при Сципионе Африканском Кулхас и Луксиний со всеми своими городами выступили заодно с римскими войсками против карфагенян, за окончательное изгнание их из Испании, то теперь расстановка сил изменилась в обратном отношении. За немногие годы администрирования римляне успели восстановить против себя об-

¹ Главнейшие материалы о событиях этого года см. в *FNA*, III, 174, 175, 176; *Li v.*, XXXII, 27; XXXII, 28; XXXII, 28, II; XXXIII, 19; XXXIII, 21, 6; XXXIII, 25, 8; XXX, 26, XXXIII, 25; *App.*, *Iber.*, 38.

щины Бэтики. Иберы, находившиеся под властью Кулхаса и Луксиния, направили теперь свое оружие против своих бывших союзников—римлян, выступив при этом в союзе с карфагенскими городами.

Положение было столь серьезным, что оно вызвало тревогу и беспокойство в Риме. Ни испанские наместники, ни римский сенат не смогли с достоинством реагировать на создавшееся в Испании положение.

Наместник Дальней Испании Гельвий растерялся. «Он известил письменно сенат, что князья Кулхас и Луксиний взяли за оружие, на стороне Кулхаса 17 городов, а у Луксиния — два сильных города Кармона и Бардон, что в приморской области жители Малаки и Секси, вся Бэтурия и те области, которые еще не обнаружили своих намерений, поднимутся при восстании соседей»¹. Рим в это время находился в тяжелом положении. Этот момент совпал с последними переговорами между Римом и Филиппом, и впереди еще предстояла тяжелая война с Антиохом (Liv., XXXIII, 20—21). И римский сенат не сумел при таком положении ничего изобрести более остроумного, как поручить подготовку «докладной записки об Испанской войне». А в это время в самой Испании события развивались с поразительной быстротой. Не могло заметно улучшить положения и объединение сил Гельвия и Семпрония Тудитана. Восстание захватывало все большую территорию Ближней Испании. Эпитоматор Ливия имел, очевидно, веские основания, чтобы записать, что теперь (через год) «Испания почти вся отложила»². Второе донесение Гельвия в Рим было преисполнено печальных вестей. «Сделалось известным письменное сообщение о том, что Г. Семпроний Тудитан, проконсул Ближней Испании, побежден в сражении, войско его разбито и обращено в бегство, в битве пало много славных мужей, сам Тудитан, вынесенный из сражения тяжело раненным, вскоре умер»³. Такова была судьба первого претора. Не в лучшем положении оказался и второй. Гельвий тяжело заболел, сдал претуру своему преемнику, но вернуться в Италию он смог только в 195 г.⁴ При этом он едва сумел добраться в Рим, ибо в последний момент, при выезде из Испании он подвергся новой опасности. Гельвия сопровождала большая охрана — конвой в 6 тысяч человек. И как только он переехал границу Дальней Испании и вступил в Ближнюю, у города Илитургии ему пришлось встретиться с кельтиберами⁵. Завязалось сражение, в котором Гельвию удалось разбить плохо организованные кельтиберийские отряды (Liv., XXIV, 10). Ссылаясь, очевидно, на разгром кельтиберов, с одной стороны, и на большие взносы серебра в казну — с другой, Гельвий потребовал себе триумфа, но сенат отверг его претензию на том основании, что он «сражался под ауспициями другого лица и в другой [а не в своей] провинции (*quod alieno auspicio in aliena provincia pugnasset*) (там же).

Таков был исход претуры первых наместников во вновь объявленной провинции. Первый год провинциальной эры в Испании прошел при неблагоприятных ауспициях для Рима. Поднявшееся восстание было плохим предзнаменованием для преторов, впервые избранных и приехавших в Испанию для осуществления своей большой административной деятельности в провинции, которая казалась замиренной и теперь нуждавшейся только в устроении. И если восстание для Рима означало срыв программы административной деятельности и провинциального управления Испании, то для иберов оно явилось началом широкого и созна-

¹ Liv., XXXIII, 24, 6; FNA, III, 175.

² Liv., XXXIII, 21 (конец).

³ Liv., XXXIII, 25; FNA, III, 170.

⁴ Liv., XXXIV, 10, 5 (FNA, III, 181, коммент. 181—182).

⁵ О ходе этой войны см. статью Л. М. Роголина в ВДИ, 1948, № 4.

тельного движения за свою независимость. С этой точки зрения, народы античной Испании как бы подводили черту под всем своим предшествующим периодом и вступали в новую полосу истории.

Позади оставалась эпоха появления древних иберов, формирования их самобытной культуры, первых встреч с культурой других народов и вступления на порог своей собственной цивилизации. Это был ответственный период в жизни народов Иберийского полуострова.

С начала римской оккупации начинается новый период в жизни древних иберов. Рост самосознания иберов на почве сформировавшейся иберийской культуры подготовил их к отстаиванию своей независимости и борьбе за нее против чужеземцев. Уже столкновение Рима с карфагенянами пробудило иберов и заставило их подняться. Умело используя обстановку, они при содействии римлян изгоняют карфагенян из Испании. Теперь иберы оказались лицом к лицу с Римом. 197 год для Рима открывает позорные страницы из армии на Пиренейском полуострове, для Испании — почти двухвековую героическую борьбу иберов за свою независимость.

